

полно передаются этими летописями, другие — ядром НУвЛ. Некоторые его тексты, в том числе весь текст 1500 г., совпадают с этими летописями дословно. В связи с этим следует думать, что в этой своей части ядро НУвЛ восходит к общему источнику с Воскресенской и Львовской и другими летописями, который, несомненно, представлял собой московский памятник, точнее — дефектному списку этого (или какого-то промежуточного) памятника, обрывавшемуся на середине известий 1500 г. Родословные, которые читаются в ядре НУвЛ после 1500 г. (как и включенные в них тексты документов местнической переписки), не имеют никакой связи с летописным текстом и представляют собой, несомненно, случайную механическую вставку, возникшую, очевидно, при соединении в НУвЛ двух летописных источников. Это могло произойти лишь в том случае, если родословные следовали непосредственно за летописным текстом, обрывавшемся на 1500 г. в той самой рукописи, из которой этот летописный текст попал в НУвЛ. Родословие великих князей московских оканчивается Димитрием — внуком Ивана III; Василий Иванович фигурирует только как его сын и еще не назван великим князем всея Руси. Следовательно, родословие было окончено во всяком случае еще при жизни Ивана III, т. е. не позднее 1505 г. Если сопоставим это с тем обстоятельством, что летописный текст ядра НУвЛ обрывается на 1500 г., то приходим к заключению, что летописный памятник, в котором читался этот текст и родословные, был составлен, по-видимому, между 1500 и 1505 гг. Некоторое сомнение может возникнуть в связи с тем, что в конце помещено родословие Сабуровых, которое оканчивается Соломонией Юрьевой, названной супругой великого князя Василия Ивановича. Однако это родословие дописано уже впоследствии. Непосредственно за родословием великих князей идут родословия княжеских и боярских родов, после чего, как уже говорилось, читаются не имеющие прямого отношения к родословным тексты документов местнической переписки. Вслед за ними идет родословие Сабуровых. Если бы это последнее было современно остальному тексту, оно, очевидно, было бы помещено ранее этих документов, и, по всей вероятности, даже ранее других боярских родословных, в силу той знатности, которую Сабуровы приобрели в связи с женитьбой Василия III на Соломонии.

Таким образом, летописный свод, список которого составил основу ядра НУвЛ, представлял собою младшую редакцию С1Л, дополненную на основании двух текстов — «свода 1491 г.» и общего источника Воскресенской, Львовской и некоторых других летописей.⁴¹ Памятник этот, очевидно, возник в Москве, так как все источники его московского происхождения. Ниже я буду именовать его Московским сводом 1500—1505 гг.

Поскольку нами была привлечена летопись Дубровского, необходимо теперь выяснить окончательно отношение ее к НУвЛ и к Московскому своду 1500—1505 гг. Известия 1500 г., как и предшествующий текст, совпадают в ней с ядром НУвЛ и оканчиваются на том же слове («... да пан Литавр моршалко»);⁴² Однако такое окончание, как мы видели, является

⁴¹ Летописный текст части, идущей после 1491 г., позволяет уточнить время возникновения этого источника: под 1498 г. сообщается об опале Василия Ивановича, а под 1499 г. — о прощении его вины, но не о полной реабилитации, произошедшей, по данным других источников, в 1500 г., что позволило Я. С. Лурье приурочить появление этих известий к 1500 г. (см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 181). Этот источник представлял собой, по-видимому, тот великокняжеский свод 1500 г., существование которого предполагает Я. С. Лурье (там же, стр. 180—181).

⁴² ПСРА, т. IV, ч. 1, в. 3. Л., 1929, стр. 533.